I. ИССЛЕДОВАНИЯ

РОМАН ГРОМОВ

ДЕФИНИЦИЯ И ДЕСКРИПЦИЯ У БРЕНТАНО И ГУССЕРЛЯ. ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОЗНАНИЯ*

DEFINITION AND DESCRIPTION AT BRENTANO AND HUSSERL. LANGUAGE-GAMES IN THE PHENOMENOLOGY OF CONSCIOUSNESS

In the article logic preconditions of the concept of description at Brentano and Husserl are considered, in particular, a connection between the doctrine of the definition and the practice of the description of consciousness. Originality of Brentanos doctrine is that he has departed from the Aristotelian principle of dichotomizing differentiation of generic concepts. On the contrary, Husserl comes back to an Aristotelian principle of differentiation of generic definitions and confirms an intentionality as a generic property of acts of the consciousness. The author shows how divergences in the logic theory of concept have caused many essential distinctions at Brentano and Husserl in practice of description and in interpretation of the structures of acts of the consciousness.

Keywords: phenomenology, Brentano, Husserl, description, theory of definition, intentionality.

В статье рассматриваются логические предпосылки понятия дескрипции у Brentano и Гуссерля, в частности, связь между учением о дефиниции и практикой дескрипции сознания. Оригинальность учения о дефиниции Brentano состоит в том, что он отошел от аристотелевского принципа дихотомической дифференциации родовых понятий. Напротив, Гуссерль возвращается к аристотелевскому принципу дифференциации родовых определений и утверждает интенциональность в качестве родовой характеристики актов сознания. Автор показывает, как расхождения в логической теории понятия обусловили многие существенные различия у Brentano и Гуссерля в практике дескрипции и в трактовке структур актов сознания.

Ключевые слова: феноменология, Brentano, Гуссерль, дескрипция, учение о дефиниции, интенциональность.

В настоящей статье мы хотели бы вынести на обсуждение два тезиса. Во-первых, мы попытаемся показать существенную связь у Brentano и раннего Гуссерля между учением о дефиниции (традиционно считавшегося частью логической теории понятия) и практикой

* Настоящая статья представляет собой полную версию одноименного доклада, сделанного на конференции «Эдмунд Гуссерль. К 150-летию рождения философа» в Институте философии РАН 10 декабря 2009 г.

дескриптивного исследования. Тем самым мы попытаемся выявить некоторые неявные логические предпосылки, которые определяли у этих авторов способы описания опыта сознания. Во-вторых, мы хотели бы обосновать полемический тезис. По нашему мнению, традиционная практика чтения *Пятого логического исследования* Гуссерля¹ проходит мимо языкового строя этой работы и очень часто игнорирует его имманентную проблематику. Мы имеем в виду то обстоятельство, что ключевые проблемы *Пятого исследования* формулировались и разрабатывались Гуссерлем как проблемы морфологии, то есть как вопросы классификации форм сознания. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на названия некоторых ключевых глав и параграфов этого раздела «Логических исследований».² Между тем зачастую морфологическая тематика у раннего Гуссерля рассматривается как рудиментарная, в ней видят наследие, доставшееся ему от ранних проектов дескриптивной психологии брентановской школ.³ Как правило, эта тематика декодируется в виде «проблемы интенциональности», хотя сам Гуссерль не использовал этого выражения и в явной форме тематизировал иные вопросы. В частности, в *Пятом исследовании* речь идет о проблеме «последних видовых отличий» суждений и представлений, о проблеме «родового единства» интенциональных переживаний, о принципах дифференциации видов сознания, о дифференциации подлинных и мнимых комплексов переживаний и т. д.

¹ Второй том «Логических исследований» Эдмунда Гуссерля состоит из шести исследований. Пятое исследование называется «Об интенциональных переживаниях и их “содержаниях”» и посвящено изучению сущности когнитивных актов сознания, благодаря которым осуществляется познание (см.: Гуссерль Э. Собр. соч. Т. III (1). Логические исследования. Т. II (1). М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001).

² См.: Пятое исследование. Гл. 2, § 15: «Могут ли переживания одного и того же феноменологического рода <...> частично быть актами, а частично не-актами»; Гл. 3, § 24: «Трудности. Проблема дифференциации родов качеств»; Гл. 5: «Дальнейшее развитие учения о суждении. “Представление” как качественно единый род номинативных и пропозициональных актов».

³ См. в качестве примера статью Л. Ландгребе «Интенциональность у Гуссерля и Brentano». В ней констатируется, что главным интересом Brentano при разработке понятия интенциональности была классификация базисных психических актов, и утверждается, что ранний Гуссерль заимствовал у Brentano только «слово интенциональность, между тем как по существу дела у него с самого начала в виду имелось нечто совершенно иное» (см.: Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2002 (33). С. 33). Тем самым Ландгребе полагает, что морфологическая проблематика «Логических исследований» не является существенной для понимания формирования оригинальной гуссерлевской позиции.

Нам представляется, что перекодировка проблем морфологии в проблему интенциональности упускает важнейший аспект в подходе Гуссерля, аспект выходящий за рамки его собственного проекта и затрагивающий общетеоретические вопросы философии сознания. Забегая вперед, мы хотели бы отметить, что в случае гуссерлевской морфологии мы имеем дело с поиском универсальной модели описания сознания, соответственно, универсального языка феноменологической дескрипции. Речь идет о такой модели, которая позволяла бы описывать все разнообразие опыта сознания единообразным способом, с помощью фиксированной номенклатуры характерных признаков интенциональных переживаний.

Понятие дескрипции на всех этапах феноменологического движения и вплоть до наших дней было и остается своеобразной шифрограммой. Каждый лидер феноменологического движения видел в дескриптивном характере феноменологии ее важнейшую, ключевую характеристику, но при этом давал ему оригинальную трактовку, вкладывал в понятия дескрипции собственное понимание стратегии феноменологического исследования. К примеру, Хайдеггер в седьмом параграфе «Бытия и времени» называет выражение «дескриптивная феноменология» тавтологией. Феноменология по определению является дескрипцией, заявляет он, феноменология призвана «в прямом показывании и прямом доказывании» выявлять в феноменах то, что подлежит разработке. И здесь же Хайдеггер оговаривается, дистанцируясь от ранних проектов дескриптивной психологии, что его собственная «дескрипция» представляет своеобразный подход, она не является методом описания по типу ботанической морфологии. В дальнейшем мы предпримем попытку частично расшифровать эту шифрограмму в случае с двумя родоначальниками феноменологического движения — Brentano и ранним Гуссерлем. При этом Brentano послужит нам точкой опоры в подступе к Гуссерлю и станет тем фоном, на котором можно будет оттенить своеобразие исследовательской практики Гуссерля.

Как известно, Brentano проводил различие между генетическим и дескриптивным подходами в психологии. Первый представляет собой каузальное объяснение феноменов сознания, второй — их описание, то есть выявление характерных особенностей, составляющих элементов и способов их связи.⁴ Это различие Brentano вводит под влиянием английского историка и теоретика науки Уильяма Вевеля. Вевель в серии

⁴ Brentano F. *Deskriptive Psychologie*. Hamburg: Meiner, 1982. S. 1-10.

своих масштабных исторических исследований утверждал, что с начала XVIII века, после длительного господства физикалистских дисциплин, в современном естествознании начала формироваться еще одна продуктивная ветвь исследования — дескриптивные или «аналитико-классифицирующие» науки.⁵ К таковым он относил геологию, биологию, сравнительную анатомию, ботанику и др. Их задача заключается в описании и систематизации явлений. Причем дескрипция у Вевеля, в отличие от ее трактовки у Джона Стюарта Милля, не была простой подготовительной процедурой к индукции, но представляла самоценное и продуктивное исследование. Эти дисциплины он называл также феноменологическими, в частности, он говорил о «феноменологической геологии», о «феноменальной глоссологии» в языкознании. Brentano в собственной классификации психологических исследований следовал за Вевелем вплоть до терминологических заимствований. В частности, он называет дескриптивную психологию *психогнозией* по аналогии с обозначением у Вевеля феноменологической геологии в качестве геогнозии.⁶

Можно сказать, что Вевель был посредником между дескриптивным естествознанием и дескриптивной психологией Brentanovskoy школы. С его точки зрения, локомотивом современных дескриптивных наук является ботаника. Ботаника совершила в XVIII веке научный прорыв (имелась в виду в первую очередь работа Линнея), и это произошло благодаря тому, что в ней был создан искусственный «точный и интеллектуальный язык» научного исследования. Именно разработку точного научного языка в ботанике Вевель считал главной особенностью современной интеллектуальной истории. Таким образом, для него и для многих его современников середины XIX века — в том числе, возможно, и для Brentano — не физикалистские науки и не математика, но именно ботаника служила примером систематической разработки искусственного и точного языка науки. Поэтому достижения современной ботаники воспринимались как образцовые для остальных

⁵ Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences. London: John W. Parker. 1840, Vol. 1. P. LXI-LXII; а также: History of the Inductive Sciences from the earliest to the present time. The third edition with additions. New York: Appleton and Company, 1866. Vol. II. P. 313 ff.

⁶ См. более подробно о связях Brentano и Вевеля в статье: Громов Р. А. Феноменология: философский прорыв или возрожденная схоластика (критика и самообоснование ранней феноменологии) // Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010. М., 2010. Т. II. С. 216-218.

описательных наук. В этой связи важно отметить, что в совершившей, по мнению Вевеля, научный прорыв ботанике Линнея активно использовался понятийный аппарат схоластической логики, в частности, ее учение о дефиниции. Две трети «Философии ботаники» (1751) Линнея посвящено методу правильного определения.⁷ Это говорит о том, что, несмотря на критику в посткартезианской философии, аристотелевско-схоластическая логика, точнее, ее учение о дефиниции сохранилось в естественной истории как вполне релевантное средство научного познания, а именно в качестве инструмента научной систематики.

Развитие научной систематики в дескриптивных естественных науках на рубеже XVIII–XIX вв. является очень важным для понимания позиции Brentano. Brentановская концепция психологического описания формировалась сложным путем через интерпретацию аристотелевского учения о дефиниции в духе современной научной систематики. О важности для Brentano учения о дефиниции говорит уже тот факт, что он посвящает ему два из двадцати пяти своих габилитационных тезисов (шестнадцатый и семнадцатый).⁸ Он неизменно обращается к этому учению во всех своих крупных историко-философских работах об Аристотеле, а также в лекциях по логике, в исследованиях по метафизике.⁹ Его интерпретационная стратегия заключалась в том, чтобы сблизить Аристотеля с современными подходами в дескриптивном естествознании, более того, представить его в качестве предшественника современной научной систематики. В частности, Brentano утверждал, что учение Аристотеля о дефиниции претерпело существенную эволюцию. В поздних работах («О частях животных», «О душе», «Метеорологии») Стагирит переоценил, по мнению Brentano, познавательные границы дефиниции. Если в «Метафизике» посредством дефиниции определялись сущностные, субстанциональные свойства и различия вещей, то в поздних работах Аристотель, как позднее Локк и Лейбниц, фактиче-

⁷ Линней К. Философия ботаники. М.: Наука, 1989; см. также: Куприянов А. В. Развитие принципов систематики в XVII–XVIII вв.: автореф. ... канд. биол. наук. М., 2005.

⁸ Brentano F. Über die Zukunft der Philosophie, Leipzig: Felix Meiner, 1929. S. 139.

⁹ Brentano F. Über Aristoteles. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1986. S. 22-23, 29-31, 73-82; idem.: Die Lehre vom richtigen Urteil. Bern: Francke Verlag, 1956. S. 51-53, 80-97; idem.: Aristoteles und seine Weltanschauung. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1977. S. 17-20, 54-56; idem.: Geschichte der griechischen Philosophie. Bern; München: Francke Verlag, 1963. S. 234-235; idem.: Kategorienlehre. Leipzig: Meiner 1933. S. 20-25, 32-38, 104, 146-147.

ски отказывается от попыток непосредственного постижения субстанции и ориентируется на выявление непосредственно данных в опыте, эмпирических отличительных признаков того или иного вида явлений.¹⁰ Иначе говоря, на позднем этапе в дефиниции Аристотеля фиксируются не субстанциональные, сущностные свойства, но то, что сам Аристотель назвал «собственным», а средневековые схоласты обозначали как «*prorgia*». Речь в данном случае идет о не-сущностных, но, тем не менее, характерных признаках, присущих исключительно явлениям данного вида. Например, для человека такими характерными признаками являются чувство юмора, способность учиться и читать. Данные характеристики не выражают сущностного определения человека в понимании Аристотеля, но присущи исключительно человеку и составляют его отличительные свойства.¹¹

Таким образом, Brentano стремился модифицировать учение о дефиниции в духе времени, он трактует его как современное средство эмпирического научного исследования. Подобно большинству современников, он отказывается от «сущностной дефиниции» (*definitio essentialis, definitio quidditativa*) в схоластическом смысле как непосредственного постижения субстанциональных свойств, он ограничивает дефиницию

¹⁰ «Метафизика Z, где дефиниции в строгом смысле слова ограничены одной единственной категорией субстанции, нигде отчетливо не выражает убеждения, что мы фактически не обладаем понятиями субстанциональных отличий. Напротив, складывается впечатление, как будто Аристотель в выбранных им примерах на самом деле указывает нам такие субстанциональные отличия. Вопреки этому *Метеорология* показывает самым определенным образом, что мы совершенно лишены понятий субстанциональных отличий, и что они должны заменяться акцидентальными определениями, которые сопутствуют им в качестве характерных свойств (*Eigentümlichkeiten*), а именно через выявление характерных активностей, которые осуществляет соответствующий вид. Таковые более всего заметны в случае живых существ, а потому также виды живых тел могут дефинитивно определяться нами лучше, чем виды тел безжизненных. Здесь взгляды Аристотеля совершенно отчетливо усовершенствовались не только в отношении способа, каким следует давать определение, но также, как представляется, относительно познаваемости субстанций. Мы видим, что они теперь существенно приблизились к учению Локка и Лейбница <...>. Равных убеждений придерживается затем также работа *De Partibus Animalium*. Мы должны использовать в дефинициях не отличия самих субстанций, но характерные свойства, которые связаны с ними как типичные для них и которые в своей совокупности служат нам заменой для них» (*Brentano F. Aristoteles und seine Weltanschauung*. S. 18; см. также: *Brentano F. Über Aristoteles*. S. 23, 80-81).

¹¹ См. Аристотеля о различии сущностных (субстанциональных), собственных и входящих свойств: *Аристотель*. 1) Топика. I, 4-5; 2) Метафизика. Кн. 7. Гл. 4, 5, 9-12; 3) Аналитика. II, 5, 91b 35-39.

феноменальной сферой опыта, а также отделяет ее от каузального объяснения. Дефиниция становится у него средством систематизирующего описания непосредственных опытных данных. Фактически, в своей историко-философской экзегетике Аристотеля он редуцирует аристотелевскую дефиницию к тому, что схоласты называли «дескриптивной дефиницией» (*definitio deskriptiva*). Дескриптивная же дефиниция означала в схоластике не определение субстанциональных свойств вещи, а фиксирование эмпирических отличительных или собственных признаков (*propria*), присущих явлениям определенного вида.¹²

Однако вместе с тем Brentano стремился сохранить дефиницию в качестве важнейшего средства философского исследования и обосновать высокий познавательный потенциал, в частности, дескриптивных определений. Он оставался на почве аристотелевско-схоластической модели познания и разделял вместе с Линнеем тезис о естественности родовых отличий. Это означает, что роды не являются просто результатом конвенции, они не конституируются посредством классификации, но выявляются благодаря ей. Научная дескрипция не является просто эвристическим средством для лучшей ориентации и экономии исследовательских усилий, она должна обеспечить приближение к естественному порядку природы, отражать объективную структуру мира. Brentano не отказывается также от схоластической субстанциональной онтологической модели (правда, существенно ее модифицирует). Признавая, что непосредственным объектом научного исследования являются феномены, представляющие собой эмпирические манифестации субстанциональной природы, он был убежден в принципиальной по-

¹² В свой собственной классификации дефиниций Brentano выделял, наряду с прочими, «дескриптивные» и «циркумскриптивные» определения. Немецкое *Zurkumskription* происходит от латинского *circumscribo*, что означает намечать границу, определять местожительство, а также в риторике давать иносказательную характеристику. В классификации Brentano «дескриптивные дефиниции» — это определения, фиксирующие характерные или отличительные признаки феноменов определенного класса, а «циркумскриптивные» дефиниции представляют собой пояснения с помощью единичных, наглядных примеров (см.: *Brentano F. Die Lehre vom richtigen Urteil*. Bern: Francke Verlag, 1956. S. 51-97; в особенности S. 92-93, 96-97). Brentano был хорошо знаком с логикой схоластики и заимствовал понятие дескриптивной дефиниции у французского томиста XVII века Антуана Гудена (*Antoine Goudin*, 1639–1695), книга которого «Философия святого Фомы» была популярна в середине XIX века и выдержала с 1851 по 1860 г. четыре переиздания. Brentановское определение дескриптивной дефиниции буквально совпадает с определением Гудена (см. об этом: *Hedwig K. Deskription. Die historischen Voraussetzungen und die Rezeption Brentanos* // *Brentano Studien*. Würzburg, 1989. Bd. 1. S. 35).

знаваемости природы субстанции. Мы приближаемся к ее постижению эмпирическим путем через описание феноменальных характерных свойств.¹³ Таким образом, отказавшись от сущностной дефиниции и от отождествления родо-видовых определений с определениями субстанциональными, он все же не отказался от традиционной онтологической модели и традиционных философских притязаний. На деле, дескрипция у Brentano оказывается своеобразным эрзацем для традиционной сущностной дефиниции, с ее помощью он решает традиционные метафизические задачи: артикулирует разные роды сущего, определяет объективный, категориальный порядок мира. Отказавшись от сущностных дефиниций, он вместе с тем качественно переоценил в сравнении со схоластикой познавательные возможности дескриптивной дефиниции. Если для схоластов *definitio deskriptiva* означала познание эмпирических признаков того или иного вида без проникновения в его сущность, а потому познание не точное и не глубокое, то у Brentano она становится ключевым средством определения категориального порядка бытия, разграничения сфер научного исследования и построения научной систематики.

Дескриптивная дефиниция оказывается также продуктивным инструментом психологического исследования. Многие важнейшие фрагменты Brentановских психологических работ, оказавшие влияние на молодого Гуссерля, представляют собой не что иное, как поиск дескриптивных дефиниций психических явлений. Например, знаменитое различие физических и психических феноменов в «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874) и определение последних как разных способов отношения к предмету. Эта характеристика, получившая название тезиса об интенциональности, есть не что иное, как дескриптивная дефиниция, фиксирующая отличительный признак психических феноменов.¹⁴ Другим примером могут служить лекции Brentano

¹³ Brentano отмечает: «<...> по этой причине, безусловно, не будет неуместным сказать, что среди этих видов определений и различений одно значительно более [чем другое] соответствует радикальному отличию в самих вещах. Если подобные определения сами не являются субстанциональными, то все же они суть знаки особого субстанционального родства, которое само по себе наблюдаться не может» (см.: *Brentano F. Die Lehre vom richtigen Urteil. S. 53*).

¹⁴ Brentano дает следующее определение психического феномена: «Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не долж-

по эстетике 1885–1886 гг., которые прослушал Гуссерль и которые он позднее в своих воспоминаниях о Brentano оценивал как образцовое дескриптивное исследование. Здесь также речь шла о «понятийном определении фантазии», то есть о выделении отличительных признаков, которые были бы присущи исключительно феноменам фантазии и отличали бы их от всех прочих психических феноменов, в первую очередь от ощущений.¹⁵

Вместе с тем Brentano вносит в аристотелевское учение о дефиниции существенное изменение, которое имело далекоидущие последствия для психологического исследования. Он отходит от принципа дуального или дихотомического деления родовых понятий. Как известно, у Аристотеля родовые понятия дифференцируются на взаимоисключающие виды. Например, род «животные» может делиться на разумных и неразумных животных, на живущих на суше и живущих в воде. Таким образом, виды, входящие в род, имеют контрадикторные признаки. Животное может быть либо разумным, либо неразумным, оно не может принадлежать сразу двум видам. Brentano отвергает этот дихотомический принцип дифференциации родовых понятий. По его мнению, родовые понятия могут специфицироваться на виды, не исключаящие друг друга. Например, суждение может быть одновременно утвердительным или отрицательным, аподиктическим или ассерторическим, очевидным или слепым, иметь тот или иной темпоральный модус, быть так или иначе мотивированным и т. д.¹⁶ Это разные видовые характеристики суждения, которые не исключают друг друга и не находятся

на пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, Хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви — любит, в ненависти — ненавидится и т. д.» (*Brentano Ф.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. С. 33).

¹⁵ *Brentano Ф.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. С. 22-44; или *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig: Meiner, 1924. Bd. I. S. 109-140; также: *Grundzüge der Ästhetik.* Hamburg: Meiner, 1959. S. 3-87; см. также: *Husserl E.* Erinnerungen an Franz Brentano // *Kraus O.* Franz Brentano. Zur Kenntnis seines Lebens und Lehre. München, 1919. S. 157-158. См. подробный разбор этих примеров в статье: *Грозов Р. А.* Феноменология: философский прорыв или возрожденная схоластика... С. 224-227.

¹⁶ «<...> быть-судящим специфицируется непосредственно многократно на утверждающего или отвергающего, судящего с настоящим или иным темпоральным модусом, судящего о том или ином объекте, судящего ассерторически или аподиктически, судящего очевидно или слепо, мотивированного так или иначе» (см.: *Brentano F.* Kategorienlehre. Leipzig: Meiner 1933. S. 24-25; а также: S. 34-35).

между собой в отношении субординации, то есть одно определение (к примеру быть утвердительным) не включает в себя другие (быть очевидным, быть аподиктическим). Утвердительное суждение может быть очевидным, аподиктическим, но может быть также слепым и ассерторическим.

Согласно Brentano, полная определенность психической активности достигается благодаря пересечению и взаимному дополнению разнотипных видовых характеристик. Этот тезис имел важнейшие последствия для его психологии. Исходя из него, Brentano стремился к как можно более дифференцированной и разнотипной спецификации психических феноменов. Он пытался по возможности умножать способы их классификации и дифференциации. В его работах мы находим богатейшую морфологию сознания, разнообразнейшие классификационные таблицы для каждого класса психических феноменов. Это означает, что Brentano не стремился к унификации языка дескрипции и к созданию единообразной классификации форм сознания. В частности, интенциональность, то есть способ отношения к предмету, не был у него единственным принципом дифференциации и классификации психических феноменов. Brentano предлагал также иные способы классификации: по предмету, по способу мотивации, по способу связи с другими феноменами и т. д. Таким образом, интенциональность не выступала у него в качестве единой и единственной родовой характеристики психических феноменов, в рамках его концепции неуместно отождествление модусов сознания с «видами интенциональности».

Обращаясь в этом контексте к Гуссерлю, мы обнаруживаем, что он возвращается к традиционному, аристотелевскому понятию «сущностной дефиниции». Буквально он пишет, что в Brentановском определении актов сознания как интенциональных отношений он видит «сущностную дефиницию» (*essentielle Definition*) актов сознания.¹⁷ Более того, он заявляет, что «все феноменологические определения [Feststellungen], которых мы здесь добиваемся, следует понимать... как сущностные определения».¹⁸ В этой связи возникает вопрос, как соотносятся между собой «дескриптивная дефиниция» Brentано и «сущностная дефиниция» Гуссерля? Не имеем ли мы здесь дело с простым терминологическим разночтением?

¹⁷ Гуссерль Э. Собр. соч. Т. III (1). Логические исследования. Т. II (1). С. 346.

¹⁸ Там же. С. 347.

Прежде всего, ясно, что в основе данного терминологического различия лежат эпистемологические расхождения. Понятие дескрипции было призвано подчеркнуть у Brentano эмпирический характер его психологического исследования. Речь шла о максимально свободном от метафизической нагрузки определении эмпирически доступных, характерных свойств психических феноменов. Избегая понятий «сущность» и «сущностная дефиниция», Brentano дистанцировался от эмпирически не обоснованных спекулятивных проектов в психологии. Гуссерль, напротив, дистанцируется в своих ранних работах от эмпирической, экспериментально ориентированной психологии. В первом издании «Логических исследований» он еще не вполне последовательно, а во втором издании уже целенаправленно дифференцирует эмпирический, психологический подход и сущностное (априорное) философское исследование сознания. Одним из средств последнего становится сущностная дефиниция. У Гуссерля мы имеем дело с построением эйдетики (учения о сущности) сознания, то есть с учением о его всеобщих и необходимых характеристиках, трактуемых как универсальные условия его возможности.

Однако, констатируя это расхождение, мы хотели бы поставить вопрос в ином направлении. Отражают ли эти терминологические расхождения также различия в практике дескрипции? Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо сопоставить исследовательские стратегии Brentano и Гуссерля с их учениями о дефиниции. Своеобразие подхода Гуссерля, в отличие от Brentano, видится в том, что он не только рассматривает интенциональность в качестве характерного свойства актов сознания, но также утверждает интенциональность в качестве «родовой идеи» («Gattungsidee») или «родовой характеристики» («Gattungscharakter») когнитивных переживаний.¹⁹ Это означает, что все акты сознания обладают едиными родовыми свойствами и единообразной структурой, а следовательно, могут быть описаны посредством единых морфологических (родовых) признаков, то есть описаны единообразно. Причем Гуссерль настаивает на родовом единстве актов сознания. Все их многообразие может быть описано без привлечения элементов, которые были бы внешними родовой идее интенциональности.²⁰ Эта

¹⁹ Там же. С. 346-347, 368.

²⁰ Гуссерль пишет: «<...> единство дескриптивного рода “интенция” (“типологическое свойство акта”) (Aktcharakter) обнаруживает видовые различия, которые основываются в чистой сущности этого рода <...> Имеют место сущностно различные виды и подвиды интенции» (Там же. С. 345, 346).

родовая идея может специфицироваться на виды, под-виды интенциональных переживаний, и такими видами интенциональности являются: восприятие, воспоминание, символическое мышление, воображение, суждение, эстетические переживания, волевые решения, то есть все многообразие осмысленного и предметного опыта сознания.

Общий ход исследования Гуссерля в *Пятом исследовании* следующий: сначала он определяет родовую идею интенционального переживания, устанавливает его универсальную структуру и характеристики.²¹ К таковым, в частности, относятся «материя» и «качество».²² По сути, речь здесь идет об универсальных условиях возможности предметного отношения. Затем в рамках этой модели он описывает разные виды сознания в качестве спецификаций родовой идеи интенционального переживания. Тем самым Гуссерль стремится к установлению единообразных принципов дифференциации интенциональных переживаний. Он выделяет несколько родовых характеристик, которые он также называет «абстрактными моментами» (частями), на основании которых он будет дифференцировать все разнообразие актов сознания. Структуры интенциональности у Гуссерля — это не только условия предметного отношения, но также универсальные морфологические признаки для классификации актов сознания.

Важным следствием этого становится то, что результаты дескрипции Гуссерль фиксирует в виде родо-видовой типологии пережи-

²¹ «<...> идеация, осуществленная на показательных отдельных случаях таких переживаний <...> дает нам чисто феноменологическую родовую идею *интенционального переживания*, или акта, а затем и ее чистые подвиды» (Там же. С. 346, 369).

²² «Качество» акта — это то, благодаря чему акты сознания отличаются друг от друга как суждения (утверждение или отрицание), желания (любовь или ненависть), представления. «Материя» акта — это то, благодаря чему акты с одним и тем же качеством отличаются друг от друга как суждения, представления или желания с разным «содержанием». Подробно Гуссерль разъясняет различие между качеством и материей акта в § 20 *Пятого исследования* следующим образом: это «<...> различие между общим свойством акта, которое характеризует акт или как просто представляющий, или как судящий, чувствующий, желающий и т. д., и его «содержанием», которое характеризует его как представление этого представленного, как суждение этого обсуждаемого и т. д. Так, например, оба высказывания: $2 \times 2 = 4$ и *Ибсен считается основателем современного реализма в драматургии* — квалифицируются как высказывания одного вида, каждое квалифицируется как высказывание. Это общее мы называем *качеством суждения*. Первое, однако, есть суждение одного «содержания», другое — другого. Для того чтобы отличить это понятие содержания от других, мы говорим здесь о *материи* суждения. Подобные различия между *качеством* и *материей* мы делаем относительно всех актов» (Там же. С. 375).

ваний. Язык родо-видовой типологии становится языком дескрипции (само выражение «виды интенциональности» оказывается возможным именно вследствие трактовки интенциональности как родовой идеи актов сознания и не встречается у Brentano). В ранних психологических манускриптах Гуссерль еще обходился без развитой родо-видовой типологии. Ее появление в «Логических исследованиях» объясняется, по нашему мнению, не только оформлением концепции сущностного познания (феноменологии как эйдетики сознания), но также стремлением придать дескрипции системный характер, выработать единообразную модель описания сознания. Следствием этого стала полезная и во многом удачная унификация концептуального аппарата феноменологического исследования, но вместе с тем также и его опасный схематизм. Видимо, это стремление Гуссерля к созданию универсальной модели сознания, его стремление к описанию многообразия опыта сознания посредством единых типологических характеристик дало повод многим его современникам для упреков в абстрактном конструировании жизни сознания. Дильтей в «Построении исторического мира в науках о духе» упрекает Гуссерля в «психологической схоластике», то есть в попытке «компоновать жизнь из абстрактных сущностей». Вундт в работе «Психологизм и логицизм» говорит о Гуссерле как о высшем пункте «схоластического логицизма», который полностью подчиняет психологию логике.²³ Повод к такой критике за использование схоластических методов исследования дает, по нашему мнению, выбранная самим Гуссерлем стратегия дескрипции.

Сравнивая Гуссерля с Brentano, можно сказать, что утверждение интенциональности в качестве родовой идеи сознания было принципиально новым моментом гуссерлевской феноменологии. Brentano был далек от разработки универсальной модели сознания, через призму которой, в виде ее спецификации, можно было бы описывать весь разнообразный опыт. На деле мы находим у него лишь комбинаторную модель акта сознания, который формируется из единообразных простейших психических элементов, каковыми выступают психические феномены. Но он был далек от того, чтобы представлять восприятие или фантазию как видовые спецификации единой родовой идеи интенционального пе-

²³ *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. VII: Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften / hrsg. B. Groethuysen. Stuttgart-Göttingen, 1968. S. 237; *Wundt W.* Psychologismus und Logizismus // *Wundt W.* Kleine Schriften. Bd. 1. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1910. S. 519.

реживания. Более того, интенциональность не рассматривалась им как универсальный принцип дифференциации психических феноменов. Психические феномены класса представлений не различаются у Brentano по способу отношения к предмету. Как уже отмечалось, такой подход явился следствием его учения о дефиниции. Brentano выделяет три базовых класса психических феноменов и для каждого из них разрабатывает своеобразную систему дифференциаций.²⁴ Гуссерль ясно видел принципиальное расхождение в их подходах. В *Пятом исследовании* он вступает в прямую полемику с Brentano, а именно в своей критике брентановского тезиса о фундирующей роли представлений. Из шести глав *Пятого исследования* две главы (третья и четвертая) целиком посвящены этой полемике. Речь здесь идет, как мы надеемся показать, не просто о разном понимании структуры актов сознания, но также о разных моделях феноменологического описания.

Согласно Brentano, все психические феномены являются либо представлениями, либо имеют представления в своей основе. Невозможно судить (утверждать или отрицать что-то), не представляя объект суждения, радоваться, не представляя объект радости, страшиться, не представляя объект испуга. Исходя из этого, Brentano приходит к выводу, что все акты, которые не являются только представлениями, но включают также суждения и эмоции образуют комплексы психических феноменов, то есть комбинацию из нескольких разнотипных феноменов. Например, если мы судим о чем-то, то в основе суждения должно лежать представление объекта, на который направлено суждение. Суждения и эмоции надстраиваются над представлениями, задающими их объект. В этих комплексах имеется односторонняя зависимость — представления возможны без суждений и эмоций (можно представлять что-то в нейтральном модусе, не утверждая и не отрицая существование объекта, без выраженного эмоционального отношения к нему), но не наоборот. Эта концепция оказывается в фокусе гуссерлевской критики, поскольку она противоречила его универсальной модели интенционального переживания, в частности, она входит в противоречие с его постулированием «материи» и «качества» как универсальных структурных характеристик актов сознания. Гуссерль выводит из брентановской концепции два следствия.

²⁴ Хорошим примером этому могут служить его лекции по дескриптивной психологии см.: *Brentano F. Deskriptive Psychologie*. Hamburg: Meiner, 1982.

Во-первых, из нее следует признание класса простых представлений, то есть представлений как таковых, не сопровождаемых суждениями и эмоциями. Такие простые представления не отличались бы друг от друга по «качеству», но лишь по представленному в них содержанию, по «материи».²⁵

Во-вторых, отсюда следует, что суждения и эмоции не являются самостоятельными актами. Это просто добавочные компоненты к представлениям, поскольку они направлены на объекты, данные в фундирующих их представлениях, они от представлений получают собственное содержание, «материю». Они отличаются от лежащих в их основе представлений лишь своим качеством, способом отношения к представленному содержанию (признают его или отвергают, любят или ненавидят).

И здесь Гуссерль сталкивается с проблемой «последней видовой дифференциации» интенциональных переживаний. Что является отличительным свойством разных видов интенций, а именно, что отличает друг от друга суждения, эмоции, представления?²⁶ Из брентановской концепции следует, что принципом видовой дифференциации представлений является материя, а принципом видовой дифференциации суждений и эмоций — качество, поскольку последние получают материю от представлений и в этой части от них не отличаются. Если бы Brentano

²⁵ Как уже отмечалось, Brentano полагал, что представления не различаются между собой по способу отношения к представляемому предмету, но отличаются друг от друга лишь по своему объекту или содержанию. Наряду с представлениями он различал еще два базисных класса психических феноменов — суждения и эмоции. Эти классы отличаются по способу отношения к предмету. В классе суждений он выделял два противоположных способа отношения — утверждение и отрицание, в классе эмоций — спектр разных способов отношений от любви до ненависти. Вместе с тем он полагал, что суждение и эмоциональное отношение получают свой объект благодаря представлению и отличается от фундирующего представления не своим содержанием (объектом), а только способом отношения к нему. Например, мы можем признавать или отрицать один и тот же объект, сначала любить, а позднее ненавидеть что-то. В этом случае в основе двух разных психических отношений лежит одно и то же представление.

²⁶ Относительно вышеописанной брентановской концепции он замечает: «Во всяком случае, бросается в глаза своеобразное предпочтение, которое отдается представлениям как единственному роду интенциональных переживаний, интенциональная сущность которых, или, что означало бы теперь то же самое, интенциональное качество которых могло бы быть действительно простым. В связи с этим возникает трудность, как же понимать предельную видовую дифференциацию различных родов интенциональной сущности (скажем кратко: интенций)» (*Гуссерль Э. Собр. соч. Т. III (I). Логические исследования. Т. II (I). С. 403*).

был прав, полагает Гуссерль, то следовало бы заключить, что материя и качество интенциональных переживаний — это не два аспекта единой родовой сущности, а свойства двух разных родов, что они соотносятся между собой подобно тому, как соотносятся в единой материальной вещи атрибуты разного рода как цвет и форма. Действительно, цвет и форма нераздельны, они невозможны друг без друга. Но они внутренне не связаны между собой, это качества разных родов. Они могут меняться независимо друг от друга, они имеют собственные предельные видовые отличия.²⁷ Если в интенциональных переживаниях дело обстоит именно так, то качество — то есть то, что делает суждение суждением, эмоции эмоциями — не имело бы сущностной связи с материей, с содержанием акта сознания. Это означало бы, что ни суждения, ни эмоции не имеют собственного оригинального содержания и собственной оригинальной предметности.

Подробно разобрав позицию Brentano, Гуссерль приходит к следующему выводу: Brentano описывает акты сознания, сформированные из трех типов базовых психических феноменов, как комплексы феноменов разных родов. Это происходит у него вследствие того, что для Brentano моделью акта сознания служила материальная вещь как комплекс качеств разных родов, в частности, как феноменальное единство качества и протяженности, цвета и формы.²⁸ Это тонкое замечание Гуссерля является, по нашему мнению, совершенно справедливым. Действительно, в основе психологической дескрипции Brentano лежит неявная, но вполне определенная, можно сказать, традиционная онтологическая модель сознания. Он рассматривал психические феномены как акциденции духовной субстанции. Представления, суждения и эмоции являются для него не абстрактными моментами реально единого переживания, но реально отличными друг от друга акциденциями субстанции, имеющими собственные видовые спецификации, причем разнообразными.

В результате этой критики Гуссерль стремится доказать, что все акты сознания дифференцируются одинаковым образом, то есть по ма-

²⁷ Там же. С. 406-407.

²⁸ «Это есть форма комплекса, для которой еще недостает вполне подходящего имени. Brentano и некоторые из его последователей говорят здесь об объединении метафизических частей. Штумпф предпочитает название «атрибутивные части». *Объединения внутренних свойств в единство феноменальных внешних вещей* предоставляют типичные примеры, на основе которых можно понять идею этой комплексной формы» (курсив мой. — Р. Г.) (Там же. С. 407).

терии и качеству. Материя и качество образуют два универсальных компонента интенциональных переживаний, которые внутренне связаны между собой как аспекты единой родовой сущности. На этой основе он делает очень важный вывод, что не все интенциональные переживания являются комплексами. В частности, восприятие и суждение суть простейшие виды интенциональности.²⁹ По его мнению, Brentano не смог отличить реальные комплексы психических переживаний от мнимых. В акте суждения представления не являются самостоятельными актами, но образуют лишь несамостоятельный компонент переживания. Из этого следует, что суждения — это особый вид интенциональных переживаний, который обладает оригинальным способом отношения и оригинальной, не сводимой материей (значением), а следовательно, и оригинальной предметностью. В полемике с Brentano Husserl фактически обосновывает идею корреляции между актами сознания и предметностью, а именно, он доказывает, что каждый вид интенциональности имеет собственный вид качества и материи, а значит, и особый тип предметности.

В этой полемике присутствует еще один важный для Husserl и для последующей феноменологии аспект. Brentano описывал каждый акт сознания как комплекс психических отношений и их объектов. Тем самым он стоял на позиции характерного для эмпирической психологии XIX века «семантического атомизма». У него содержательное (смысловое) единство акта сознания формируется из комбинации простейших элементов, каковыми являются психические отношения и соответствующие им объекты. Из этого следовало, что представление комплексных, сложных предметов предполагает также сложно организованный, комплексный психический акт, а усложнение предметности — умножение психических отношений и усложнение акта сознания как такового. У Brentano просматривается своеобразный структурный изоморфизм предметности и сознания. Husserl в своем учении о родовой сущности интенционального переживания пытается отойти от Brentanovского семантического и психологического атомизма, от того чтобы описывать акты сознания как комбинации простейших психических феноменов. Простые виды интенциональных переживаний, как суждение или восприятие, не являются комплексами или пучками интенциональных отношений, они обладают несводимым смысловым единством и осно-

²⁹ См. в *Пятом логическом исследовании* о восприятии § 27, о суждении § 28, 29, в особенности С. 415, 419-420.

ванным на нем единым предметным отношением. Вместе с тем предметность этих актов не обязательно является простой, в случае суждений она представляет собой синтетическое единство.

Оглядываясь на эту дискуссию, можно поставить вопрос: что означает эта полемика, какова природа расхождения между Гуссерлем и Brentano? Этот вопрос можно расширить: как можно объяснить разногласия внутри феноменологии, разногласия между концепциями, которые апеллируют к непосредственному опыту и претендуют на интуитивную достоверность? Brentano утверждает: психические акты суть комплексы психических феноменов с разными видовыми характеристиками. Напротив, Гуссерль отвечает на это: интенциональные переживания имеют единую родовую сущность, представления не являются в актах суждений самостоятельными актами, но лишь несамостоятельными компонентами. При этом, разбирая и критикуя позицию Brentano, он, по существу, заменяет его примеры собственными, в целом излагает брентановскую концепцию на основе собственной модели интенционального переживания и на своем языке. Может ли здесь идти речь об аутентичном воспроизведении позиции оппонента? Не является ли этот спор конфликтом разных моделей систематики, иными словами, конфликтом разных, теоретически несоизмеримых концептуальных моделей сознания? Если это конфликт альтернативных способов описания, то он имеет эвристическую природу и должен решаться не путем апелляции исключительно к опыту, но на основе, в том числе, таких прагматических критериев, как большее удобство конкурирующих моделей, их простота, более значительный теоретический потенциал.

Сам Гуссерль ставил в «Логических исследованиях» вопрос о возможности разногласия в феноменологии. В двадцать седьмом параграфе *Пятого исследования* он дифференцирует «интуитивный сущностный анализ» (*intuitive Wesensanalyse*) и «понятийное схватывание» (*begriffliche Fassung*)³⁰, то есть интерпретацию. Первое он понимает как интуи-

³⁰ Гуссерль подчеркивает, что очевидность «имманентного сущностного созерцания» не исключает возможности заблуждения, «как только оно (созерцание. — Р. Г.) призвано, т. е. приведено к понятийному схватыванию и высказано, [оно] может весьма потерять в своей силе и вызвать, поэтому, обоснованные сомнения. Апеллируя к одному и тому же «внутреннему восприятию», одни приходят к такому, другие — к противоположному воззрению; одни читают или вычитывают [там] одно, другие — другое. Так и в нашем случае. Проведенный анализ как раз дает нам возможность осознать это и в каждом отдельном случае отличить и распознать ошибки в интерпретации данностей феноменологического сущностного анализа» (Там же. С. 409-410).

тивное погружение в переживания и их дифференциацию, второе же представляет собой языковое выражение анализа, его концептуальное закрепление. Гуссерль полагает, что тезис об интенциональности Brentano основан на внутренней очевидности, но ему недостает правильного понимания, то есть верного истолкования.³¹ Тем самым он намекает, что речь здесь может идти о конфликте двух систематических моделей, о конфликте интерпретаций.³² Однако в итоге он приходит к утверждению, что концепция Brentano ошибочная. Она стала следствием недостаточно глубоко проведенного анализа и упущенной многозначности понятия представления. Таким образом, Гуссерль претендует на то, что его дескриптивная модель является единственным адекватным отражением опыта. Тем самым он снимает вопрос о возможности альтернативных концепций в феноменологии, о возможности альтернативных и равноправных дескрипций опыта сознания. Спор с Brentano представляется им как столкновение менее и более адекватного описания.

Это происходит, по нашему мнению, вследствие того, что сам Гуссерль обосновывает феноменологическое исследование в рамках ставшей классической для феноменологии дихотомии конструирования и дескрипции. Он исходил из следующей альтернативы: либо мы играем в разные языковые игры, аналитически конструируем разные модели сознания, либо мы погружаемся в переживания и поступательно приближаемся к их более адекватному выражению. Он дает категорический ответ: феноменология не занимается конструированием, она представляет собой до-теоретическое, избегающее гипотетических конструкций описание жизни сознания. Нам представляется, что эта дихотомия сформировалась в феноменологии под влиянием двух установок, заимствованных Гуссерлем еще у Brentano, а именно: ориентации на объективистский, по сути, позитивистский идеал научного познания как чистого описания опытных данных, а также вследствие негативного отношения к немецкому идеализму с его идеей самостановящегося и самосозидающего духа.

Эта дихотомия представляется нам ошибочной, поскольку она упускает продуктивный характер дескрипции в философии сознания. Мы полагаем, что дескрипция в феноменологии не просто отражает

³¹ «Мы не будем подвергать, конечно, эту очевидность сомнению; однако мы можем, пожалуй, попытаться истолковать (deuten) ее и все положение дел иначе» (Там же. С. 417).

³² Там же. С. 402-403, 417.

объективно уже предзаданные и в неизменном виде созерцаемые структуры сознания, но сама по себе продуктивна, она побуждает исследователя и его последователей к новым формам переживаний, то есть она стимулирует появление новых форм опыта и сама является творческим опытом. Например, у Brentano таким новым опытом стал опыт вариативных дифференциаций психических отношений к фиксированной предметности. Сравнив психическое переживание с отношением, он демонстрирует возможность разнообразных переживаний в отношении одного и того же предмета, побуждает своих последователей к различению психических переживаний в отвлечении от их предметности, то есть к довольно сложным и ранее не практиковавшимся формам рефлексии и самонаблюдения. У Husserl появляются иные разнообразные и оригинальные опыты различений, в частности, дифференциация предмета и воспринятого содержания, самый сложный феноменологический редукции. У Heidegger в фокусе внимания оказывается своеобразный опыт непредметного постижения, в частности, широко представленный в искусстве. Во всех этих случаях речь идет о специфических формах опыта, которые не инициировались сознательно до феноменологического исследования, и которые культивируются и утончаются в ходе самой дескрипции. Поэтому вовсе не случайно, что в черновых материалах предисловия для второго издания «Логических исследований» Husserl описывал свое развитие как многолетнее совершенствование личной искусности в созерцательной практике.³³

Если исходить из того, что «или-или» между конструированием и дескрипцией в феноменологии является ложной дихотомией, то было бы неверно трактовать разные морфологии сознания, в частности концепции Brentano и Husserl, либо как просто разные языковые игры, альтернативные концептуальные каркасы, либо как более или менее адекватное отражение внутренних данностей. По нашему мнению, они в первую очередь являются выражением разного опыта исследователей,

³³ «Уже более двух десятилетий вся моя работа движется в имманентном созерцании, при беспримерных усилиях я научился видеть и удерживать увиденное на расстоянии от привнесений. Я вижу феноменологические отличия, в особенности отличия интенциональности, так же хорошо, как вижу отличие этого белого и того красного в качестве чистых цветовых данных» (*Husserl E. Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. XX/1. Logische Untersuchungen, Ergänzungsband, Erster Teil. Dordrecht: Kluwer, 2002. S. 321*). В этих биографических фрагментах Husserl рассматривает феноменологию как особую профессиональную практику, требующую особой, длительной подготовки (см.: *Ibid. S. 322*).

основываются на разных парадигматических примерах, и именно вследствие этого оказываются теоретически несоизмеримыми друг с другом. С этой точки зрения феноменологическое движение можно охарактеризовать с помощью тропов философии немецкого идеализма как форму самосозидания человеческого духа.

Формулируя квинтэссенцию представленной полемики, можно сказать, что проекты Brentano и Husserl в этой части можно рассматривать как поиск неконвенциональных моделей описания сознания, а вместе с тем и новые пути развития личного опыта. Эти модели неконвенциональны в том смысле, что они сознательно не ориентируются на сложившуюся естественную и научную языковые практики. По сути, они представляют собой изобретение нового языка, нового способа самоописания, который открывает горизонт и побуждает к новым формам переживаний. С этой точки зрения феноменология может самоутверждаться как один из путей творчески созидającego себя личного духа.

АВТОР

Громов Роман Анатольевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии факультета философии и культурологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

GROMOV ROMAN — candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the Department of History of Philosophy, Faculty of Philosophy und Culture Studies, Southern Federal University, Rostov on Don.

E-mail: rgromov@yandex.ru